

УДК: 93

DOI: 10.25629/RMPJ.2023.01.03

**БРИГАДНЫЙ КОМИССАР А.А. ТАЛАНКИН –
ОДИН ИЗ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ****Корсаков С.Н.¹, Данилов С.И.²**¹Институт философии РАН, Москва, Россия²Тверской государственной медицинской академии Минздрава России**АННОТАЦИЯ**

В статье рассматриваются слабо изученные страницы истории отечественной военной психологии. Рассказывается о деятельности Александра Таланкина, военно-политического работника и военного психолога. Он был одним из активных участников дискуссий по военной психологии 1920-х гг., автором монографии по этой тематике. В 1930 г. он занимал крупные должности в руководстве советской психологии. В статье выясняются вопросы о жизненном пути А.А. Таланкина, оценке совокупности его военно-психологических работ, месте в истории отечественной военной психологии и советской психологии в целом. Отмечается, что как военный психолог А.А. Таланкин выступал против обособления военной психологии, считая ее прикладным направлением общей психологии. Показан путь А.А. Таланкина сначала как военного психолога, затем как участника психологических дискуссий в СССР. А.А. Таланкин стал жертвой сталинских репрессий. Привлекаются малоизвестные и забытые литературные источники, архивные материалы. Ряд архивных материалов публикуется впервые.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

советская психология, А.А. Таланкин, военная психология 1920-1930-х годов, психология войны и боя, К.Н. Корнилов, идеологические кампании в психологии, политические репрессии.

22 декабря 2019 года на доме номер 2 по Таврической улице Санкт-Петербурга усилиями историка психологии Н.Ю. Стоюхиной и активистов движения «Последний адрес» установлен мемориальный знак в память о военном психологе и преподавателе Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева бригадного комиссаре Александре Александровиче Таланкине, репрессированном в 1937 году [36]. До недавнего времени о жизненном пути А.А. Таланкина было известно немного, главным образом, из издания, посвященного репрессированным военачальникам [55, 399–400]. Исследование архивных материалов и публикаций, проведенное С.Н. Корсаковым и С.И. Даниловым, позволило восполнить этот пробел [22, с. 131–150]. За время, прошедшее с момента упомянутых публикаций, появились новые архивные документы и военно-психологические исследования, что позволяет вновь вернуться к знаменательной и трагической фигуре военного психолога А.А. Таланкина.

В 1920-е гг. советская психология переживала время бурного расцвета. Продолжали интенсивно развиваться рефлексология, реактология, педагогическая психология и дефектология. Возникали новые научные направления: культурно-историческая психология, педология, психотехника [57, с. 517–528]. В течение всех 1920-х гг. шли интенсивные дискуссии о психоанализе. Обсуждение научных вопросов на печатных страницах и в публичных залах было достаточно свободным и бескомпромиссным. Отличительная черта советской психологии 1920-х гг. в том, что она представляла собой конкурентную среду, в которой те или иные направления с большой быстротой проходили путь от идеи до теоретической концепции [12, с. 34–37]. Всплеск научной активности, проявившийся в области психологии, отмечали многие очевидцы событий первого послереволюционного десятилетия. «Такого обилия выброшенных на общественный рынок идей, – писал К.Н. Корнилов в 1927 г., – часто противоречивых, может

быть и ошибочных, даже ненужных, мы не наблюдали никогда ещё в истории русской психологии» [21, с. 215]

В то время велась и разработка и военно-психологической проблематики, чему способствовало создание Учительского института Красной Армии 5 ноября 1919 г. (в 1925 г. преобразован в Военно-политическую академию им. В. И. Ленина): проводится психологическое и социально-психологическое изучение (устные и письменные опросы) личного состава; в 1925 г. выходит книга преподавателя института и одновременно начальника петроградской командной школы П. Измestьева «Очерки по военной психологии»; профессор А.Е. Снесарев внедряет в практику подготовки слушателей идеи этнопсихологии, психологии боя, психологии боевого управления и тактической подготовки. Преподаватели академии активно увлекаются идеями рефлексологии, реактологии, психотехники, психофизиологии. Вместе с военачальниками и военными врачами они изучают возможности приложения психологического знания к боевой практике войск, формулируют основы военной психологии [19].

Военные психологи пытались изучить динамику мотивов поведения воинов, выяснить в ней роль социальных и биологических факторов, соотнести социально-психологические и индивидуально-психологические явления в руководстве личным составом [38; 23].

Активным участником и заметной фигурой проходивших в РККА в 1920-е гг. дискуссий по военной психологии был преподаватель Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева А.А. Таланкин [13, с. 50–52]. В 1929 г. публикуется монография А.А. Таланкина «Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА», в которой автор предложил реформировать военную психологию и создать новую науку о поведении бойца, как часть общей психологии.

Рисунок 1 – Таланкин
Александр Александрович

Александр Александрович Таланкин родился 10 августа 1898 г. в с. Надеждино Уфимского уезда Уфимской губернии в семье сельского священника (рисунок 1). В 1917 г. окончил Уфимскую гимназию. В июле 1917 г. вступил в партию большевиков и был одним из организаторов молодежного коммунистического движения в Башкирии (рисунок 2). В декабре 1917 г. А.А. Таланкин был назначен членом коллегии Уфимского губернского отдела народного образования; в апреле 1918 г. – инструктором-лектором губернского штаба боевых ополчений [32]. 26 мая 1918 г. левые молодежные союзы Уфы объединились в Союз рабочей молодежи города Уфы «III Интернационал». А.А. Таланкин был избран членом Центрального правления Союза.

5 июня 1918 г. белочехи и белогвардейцы захватили Уфу. А.А. Таланкин вступает в Красную Армию и воюет на Восточном фронте во 2-й армии: сначала красноармейцем в отряде героя Гражданской войны А.М. Чеверева; с октября 1918 г. он – агитатор-организатор в политуправлении армии. С января 1919 г. А.А. Таланкин служил в 5-й армии Восточного фронта: сотрудником осо-

бого отдела, с апреля – политбойцом отряда особого назначения, с июня – лектором политуправления армии, с января 1920 г. зав. культурно-просветительским отделом политотдела запасных частей, в мае 1920 г. лектором армейской партшколы. В боях был ранен.

После службы в мае-октябре 1921 г. в Москве политконсультантом в Политуправлении РККА А.А. Таланкин был направлен в Приуральский военный округ военкомом 95-х пехотных курсов, а затем, в июне 1922 г. – на Туркестанский фронт зам. начальника политотдела 2-й стрелковой дивизии. С декабря 1922 г. он служил в Туркестане начальником политотдела 2-й, а с февраля 1924 г. – 1-й особых кавалерийских бригад. Принимал участие в борьбе с басмачеством в Фергане и Бухаре. Избирался членом Кокандского, Ферганского, Старо-Бухарского горсоветов, Сурхандарьинского облисполкома.

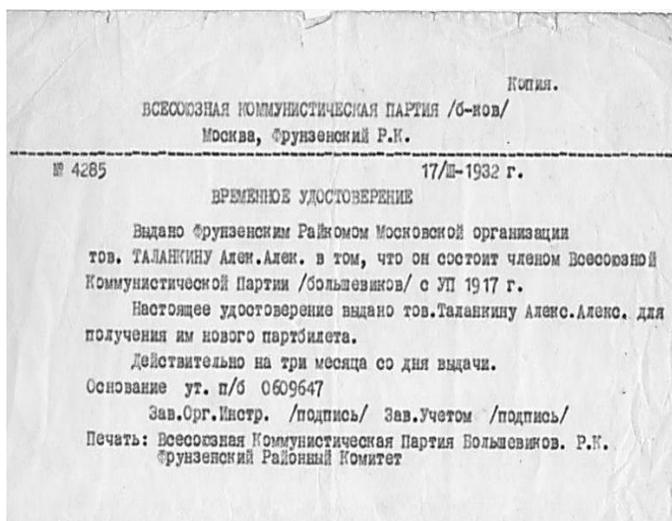

Рисунок 2 – Временное удостоверение № 4285 от 17.03.1932, выданное Таланкину А.А. в том, что он состоит в членах ВКП(б) с июня 1917 г.

В октябре 1924 г. А.А. Таланкин был зачислен слушателем Московских курсов высшего политсостава, по окончании которых с августа 1925 г. преподавал в Военно-политической академии РККА им. Н.Г. Толмачева в Ленинграде. С этого времени А.А. Таланкин регулярно выступал в научной печати по вопросам военной психологии [18]. В феврале-октябре 1926 г. вновь строевая служба – начальником политотдела 15-й Сивашской стрелковой дивизии Украинского военного округа. С ноября 1926 г. А.А. Таланкин преподавал в Военной академии им. М.В. Фрунзе.

Что касается психологических воззрений Таланкина в целом, то он критиковал экспериментальную психологию Г.И. Челпанова, рефлексологию В.М. Бехтерева, психоанализ, гештальтизм, бихевиоризм и высказался за реактологию К.Н. Корнилова, которую называл наиболее близким к марксизму течением современной психологии, стоящим на почве диалектического материализма [42, с. 167].

В 1926 г. А.А. Таланкин включился в дискуссию по проблемам военной психологии. В те годы вопросы военной психологии живо обсуждались. Со статьями, а иногда – с монографиями выступали военные психологи Н. Какурин, П. Измestьев, М. Король, А. Васильев, В. Рубцов и др. Преобладали мнения, что военная психология должна развиваться как особая наука, и что в ее развитии нужно основное внимание уделять совершенствованию физиологических качеств бойца.

А.А. Таланкин занял в дискуссии своеобразную позицию. Ее необычность заключалась не в том, что он резко критиковал биологизаторство других авторов, их увлечение западными научными теориями, в частности, психологией толп Г. Лебона. Таланкин предлагал развивать военную психологию как приложение общей психологии к вопросам поведения военнослужащих. Он писал, к примеру: «Все учебники, пока пересказывающие более или менее добросовестно труды по общей психологии, не оригинальны, а стоит им только начать оригинально столкновать вопросы “военной психологии”, как они угощают нелепыми открытиями» [50, с. 125]. Позиция Таланкина была неплохо продумана и аргументирована.

В одной из своих статей Таланкин постарался показать бесперспективность создания военной психологии методами рефлексологии. Он писал, что психофизическая подготовка бойца излишня: формирование необходимых воину качеств произойдет само – как функция военно-технической, политической и физической подготовки. К бойцу, говорил Таланкин, надо под-

ходить как к социальному существу, а не «ветеринарно» [42, с. 168]. Он считал глубоко ошибочной точку зрения, что эмоции в бою сводятся к элементарным биофизическим реакциям. Сложные реакции в процессе боя у бойца преобладают. Целеустремленность бойца – не выдрессированный рефлекс, а сложная интегральная функция всего поведения человека. Поэтому рефлексология, также как и психоанализ, не годятся в качестве основы военной психологии. Особенно он критиковал «физиологический» уклон в военной психологии ученика академика Павлова Ю.П. Фролова и биологизаторский подход М. Короля [39].

Специально А.А. Таланкин рассмотрел вопрос о месте психотехники в военной психологии. В отношении претензий психотехники А.А. Таланкин был столь же последователен: сама по себе она не может быть основой военной психологии. Но развитие научной организации труда в военном деле необходимо поощрять, чтобы облегчить доведение до автоматизма выполнение различных сложных действий. Или же, чтобы оказать воздействие на восприятие противника – в целях успешной маскировки. Он даже высказал мысль о полезности такой области психотехники, «совсем не развитой в Красной Армии, как изучение среды, в которой приходится работать человеку, с точки зрения изменения этой среды в интересах рационализации» [40, с. 183]. В те годы еще не было термина «военная эргономика», но имел в виду Таланкин именно ее.

Очень резко высказался Таланкин против абсолютизации тестирования военнослужащих. Тесты диагностируют культурно-образовательный уровень, но между ним и пригодностью к военной службе нет однозначной связи. Кроме того, выбор «правильного» ответа не может быть свидетельством убежденности реципиента в этом ответе. Тесты оправдали себя в профотборе, при изучении утомляемости, изменения отдельных психических характеристик (восприятие, интеллект, реакции). Но подменять ими работу с личным составом нельзя. Таланкин подробно разбирает различные виды тестов, специально остановившись на таком из них, как тесты-коллизии, и показал, к каким ошибкам может приводить слепое доверие всегда относительным результатам тестирования [52, с. 35–39].

Обобщением взглядов Таланкина стала его монография 1929 г. по военной психологии (рисунок 3). Книга, по мысли автора, была призвана подвести итоги дискуссий по военной психологии, шедших в Военной академии им. М.В. Фрунзе и в Осоавиахиме в 1927–1928 гг. Военная психология нужна, констатировал Таланкин, но не идеалистическая военная психология царской армии. Психика – законный предмет изучения, несводимый ни к физиологии, ни к нравственности. Несмотря на привлечение богатого и разнообразного отечественного и зарубежного литературного материала по военной психологии, Таланкин последовательно стремился выстроить свою книгу не как разбор специальных военно-психологических проблем, а как применение всего массива общепсихологических знаний к военному делу. Любую реакцию человека следует понимать исходя из поведения в целом. Для правильного понимания состояния бойца нужно учитывать вместе биологические и социальные факторы. Стремиться следует к тому, чтобы достичь сочетания слаженности действий и инициативности бойца, автоматизма и пластичности в бою. К примеру, эмоция страха может подавляться раз-

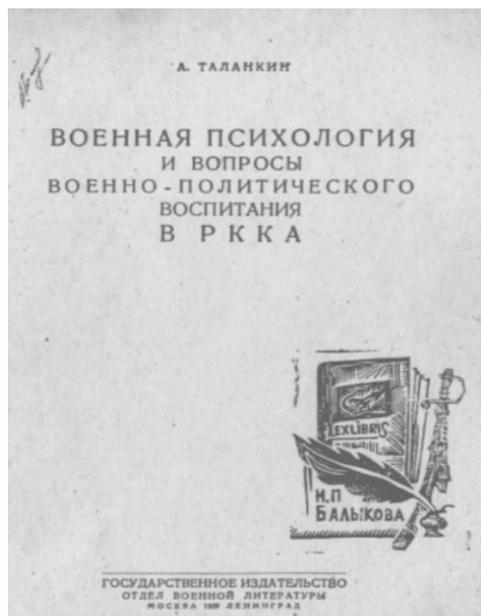

Рисунок 3 – Титульный лист монографии А.А. Таланкина. Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. – М.: Госиздат. 1929

витым военным профессионализмом, но может и порывом, никак не связанным с военной подготовкой. В вопросах военно-психологической подготовки не должно быть шаблона, оправдываемого ссылкой на «неизменную» человеческую природу. Особое внимание следует уделять динамике совместного и взаимосвязанного действия на психику бойца различных по происхождению факторов: социально-политических, моральных, военно-технических, материально-бытовых. Он отмечал также чрезвычайно большую динамичность, изменчивость психики индивида в боевой обстановке. Соответственно, для успешной борьбы с эмоцией страха важна деятельность и подвижность в бою. А.А. Таланкин считал, что «политико-моральное состояние части есть новое качество, не сводимое к психике и физиологии отдельного бойца» [38, с. 86]. Психологическая подготовка солдат к бою должна включать стимулирование всего того комплекса реакций и эмоций, которые могут проявиться в боевой обстановке.

3 января 1930 г. в Центральном Доме Красной Армии состоялся библиографический вечер, посвященный разбору книги Таланкина. В докладах и прениях на этом вечере была поддержана мысль Таланкина о неприемлемости как дореволюционной военной психологии, так и ситуации 1920-х гг., когда в военной психологии доминировали те или иные психофизиологические и психотехнические направления.

Известный в те годы военный психолог В.С. Рубцов назвал книгу Таланкина одним из первых серьезных советских трудов по военной психологии. Он призвал покончить с положением, когда психофизиологические и психотехнические методы применяются и понимаются расширительно, а выводы военного психолога обусловлены тем, какого из современных психологических направлений он решил придерживаться [33, с. 48]. В специальной рецензии на книгу Таланкина Рубцов высоко оценил методологическую сторону работы, но отметил, что вопрос о соотношении социально-психологических и физиологических факторов поведения бойца недостаточно проработан автором [35, с. 43–45]. В письме в редакцию, разъясняя свою позицию, Рубцов даже писал, что Таланкин недостаточно социологизирует вопрос и придает излишнее значение военно-техническим и материально-бытовым факторам [34, с. 63]. Отсюда видно, что позиция Таланкина была довольно взвешенной в среде его коллег.

В современных фундаментальных исследованиях проблем военной психологии и ее истории достаточно высоко оценивается стремление А.А. Таланкина сосредоточить внимание военно-психологической науки на психологии войны и боя [13]. В качестве сильной стороны его военно-психологических взглядов отмечается принципиальное утверждение, что «вся система подготовки бойца в мирное время должна учитывать и опираться на знание поведения бойца в боевой обстановке» [38, с. 104]. «Понять психику бойца, – писал он, – означало всегда – нащупать пути и средства сохранения и укрепления боеспособности части даже в ожесточеннейшие моменты боя» [38, с. 11]. Полемизируя с теми, кто психику человека в бою сузили до инстинкта самосохранения [38, с. 69], он подчеркивает, что боевое поведение воина обусловлено широким спектром психологических факторов, среди которых и политико-моральное состояние бойца и части в целом, опыт и подготовленность бойца, динамические характеристики его психики и установки [13].

А.А. Таланкину посвящен параграф в фундаментальной монографии Э.П. Утлика «Воин России: военно-психологическое исследование». Отмечается, что военная психология Таланкина «представляет интерес как концентрированное выражение последствий организационно-идеологического влияния на психологическую персонологию и психологическую науку в целом» [53, с.209]. Э.П. Утлик выделяет основные постулаты подхода А.А. Таланкина к проблеме личности воина [53, с.210-212].

1. Только марксистская психология обладает потенциалом адекватного решения всех актуальных проблем личности воина, его состояния в бою и его боевой деятельности. Те психологические идеи верны, которые соответствуют марксизму.

2. Боец является представителем системы общественных отношений, которая воплощена в армии, в частности в связях с его товарищами и начальниками. Человек, его личность – это вариация определенного класса; соответственно, воин является участником классового боя.

Из идеи классовой борьбы следует выводить принципы научно-психологического понимания личности. Понять личность воина – значит уяснить место и роль идеологии в жизненных процессах человека. Только «нужно хорошо знать способы и механику превращения социально-классового в групповое и группового в индивидуальное» [38, с. 8].

3. Сознание воина является «комплексом его психики и идеологии». «На основе выявления социальных корней психики и идеологии бойца надо понять его темперамент и характер, основные черты его трудовых процессов, продолжительность, точность и объем памяти и т. п.» [38, с. 9].

4. Боевые возможности воина представляют собой результат взаимодействия биологических и социальных составляющих его личности. «Биологическое приобретает отчетливый характер врожденных реакций, которые в нормальных условиях бывают несколько завуалированы, закрыты навыками; социологическое приобретает также весьма императивную форму в виде необходимости выполнить задачу, поставленную командиром или обусловленную всем предшествующим воспитанием бойца. Поскольку биологические структуры психологии воина неизменны в исторически обозримом промежутке времени, то особенности его поведения в различных войнах и боевых ситуациях можно понять, если рассматривать его как поведение социального человека. В противном случае мы будем иметь дело с несуществующими реальностями, вроде абстрактного бойца, абстрактной человеческой личности или абстрактного инстинкта самосохранения» [38, с. 56]. Биологическая роль психики в обстановке боя будет заключаться в том, что всякий раз, когда привычное действие не будет целесообразным, оно приобретет ясно выраженную сознательную окраску – «сознание» – и поможет бойцу выбрать более целесообразные действия.

Основываясь на работах К.Н. Корнилова, А.А. Таланкин предложил поведенческую типологию воина. В ней за критерий типа поведения взято «соотношение социологического и биологического моментов», или направленность реакций на выполнение тех или иных задач, поставленных перед бойцами.

Боец инстинктивно-эмоционального типа личности характеризуется преобладанием в его действиях врожденных реакций. Второй тип – средний, основной, менее «реактивный», отличающийся большей уравновешенностью инстинктивных и эмоциональных реакций системой навыков. Третий тип – «речевой», имеющий в процессе боя представление о цели своих действий и поступков. Его импульсы всецело регулируются приобретенными навыками. Боец этого типа отличается наибольшей сознательной регуляцией боевого поведения [38, с. 103-104].

Свою типологию А.А. Таланкин рассматривал как путь к решению вопроса о характере взаимодействия социологического и биологического фактора поведения. Исходя из приоритета идеологической составляющей личности воина, А.А. Таланкин подвергает сомнению право своих предшественников на исследование различных факторов боевого поведения воина, в частности, инстинкта самосохранения только потому, что они не рассматривали идеологический фактор в той постановке, какая характерна для марксизма XX в. Он, например, упрекает Н.Н. Головина в том, что тот «хочет все объяснить борьбой «стремления победить» и «инстинкта самосохранения» и поэтому не в «состоянии проникнуть в социальные мотивы того массового уклонения солдат от боя, которое наблюдалось 30 августа 1877 года» [53, с. 214].

Стремление опираться на военный, в том числе и собственный опыт, рассмотрение успешности боевой деятельности в связи с морально-политической подготовкой – безусловно, положительная сторона взглядов военного психолога. Предметное поле военной психологии определялось, таким образом, как изучение общих основ поведения бойца в боевой обстановке, психологии войсковых соединений в бою, управление поведением людей на войне, использование психологических факторов в борьбе с противником.

Работы А.А. Таланкина, хотя и не свободны от ошибок и колебаний, присущих русской психологии 30-х гг., все же внесли известный вклад в развитие военной психологии и, в частности, в развитие такого ее раздела, как психология войны и боя [13, с. 52].

Недостатком же работ стала схематичность, слабая научная проработанность высказываемых утверждений, сужение предмета военной психологии, оставляющей без внимания внебюджетную служебную деятельность военнослужащих (ошибочно свел к психологии боя почти всю военную психологию» [13, с. 51].

Э.П. Утлик обращает внимание на социально-политический контекст дискуссий по проблемам военной психологии, отмечая, что идеологический подход А. А. Таланкина к личности воина становится понятным, если принять во внимание ту духовную атмосферу, которая царил в 20–30 годы прошлого века в Красной армии [53, с. 215]. Не случайно один из авторитетных военных политработников этого периода Ф. Блументаль, положительно в целом оценивая работу А. А. Таланкина, писал: «Разрешение проблемы «человека» (для армейских условий – бойца и объединенных в боевые единицы масс бойцов) приемлемо для нас только при том условии, если психология будет рассматривать этого человека как представителя определенного класса в государстве определенного политического строя. Для нас приемлема только марксистская психология, ибо только она умеет и может так подходить к человеку» [9, с. 46].

А.А. Таланкин проявил себя своими публикациями по вопросам военной психологии и был зачислен аспирантом Государственного института экспериментальной психологии, или как его еще называли – Корниловского института (по имени основателя и директора К.Н. Корнилова), вступил в Общество психоневрологов-материалистов и стал выступать с пропагандой реактологических идей К.Н. Корнилова. 18 января 1929 г. Научно-исследовательская секция Осоавиахима провела специальное заседание, посвященное обсуждению доклада А.А. Таланкина «К марксистской постановке проблемы военной психологии». Необычность заседания была в том, что в зале присутствовали многие корифеи тогдашней психологии: А.Б. Залкинд, И.Н. Шпильрейн, Ю.П. Фролов, С.Г. Геллерштейн и др. В 1930 г. А.А. Таланкин принял участие в составе институтской делегации в крупнейшем психологическом форуме того времени – Всесоюзном съезде по изучению поведения человека, состоявшемся в Ленинграде. В статье о съезде есть фото делегации от Государственного института экспериментальной психологии, где Таланкин стоит во втором ряду, а в первом сидят К.Н. Корнилов и И.Д. Сапир [15, с. 47] (рисунок 4). Съезд стал последним смотром успехов всех основных направлений советской психологии 1920-х гг.: реактологии Корнилова и Франкфурта, педологии Залкинда и Моложавого, культурно-исторической психологии Выготского и Лурия, психоанализа Ширвиндта и Сапира, психотехники Шпильрейна и Геллерштейна, рефлексологии Куразова и Ананьева. Философское шефство над работой съезда осуществляли представители школы диалектиков академика А.М. Деборина. На съезде Таланкин участвовал в работе военной секции. По итогам съезда Таланкин выступил со статьей в «Красной звезде», где писал, что полезно соединение военно-научной мысли и психологии для правильного понимания поведения бойца [41].

Рисунок 4 – Делегация Государственного института экспериментальной психологии на Всесоюзном съезде по изучению поведения человека. А.А. Таланкин стоит четвертый слева. 1930 г.

А.А. Таланкин пока на общественных началах принимал участие в работе Коммунистической академии, а именно – ее Психотехнической секции. 21 ноября 1930 г. он выступал в прениях по докладу Л.С. Выготского «Психотехника и педология». Докладчик рассматривал вопрос о соотношении этих двух смежных наук [7, л. 13]. Выготский констатировал ситуацию кризиса в психологии, когда в мировой психологии конкурировали бихевиоризм, гештальт-

психология, фрейдизм, а в советской психологии – целый ряд психологических школ (которые упоминались нами выше) и высказался за междисциплинарный подход к этой сложной ситуации. Заседание проходило в самый разгар разгрома советской философии в лице деборинской школы. Позиция деборинской школы в отношении кризиса в психологии, сформулированная Б.А. Фингертом и М.Л. Ширвиндтом, заключалась в том, что различные течения (бихевиоризм, фрейдизм, гештальтпсихология (особенно опыты Кёлера), рефлексология Бехтерева, павловская школа, культурно-историческая школа Выготского) разработали свои методы для отдельных сторон предмета психологии, приняв эти стороны за весь предмет. Марксистская психология мыслилась ими как синтез всех существующих психологических течений. Мнение Выготского по существу совпадало с позицией деборинцев.

А.А. Таланкин высказал свою точку зрения на положение дел в психологии. Он не смущался маститых психологов, прославившихся в 1920-е гг., зная, что их положение теперь шаткое. А.А. Таланкин также не стал вдаваться в детали соотношения психологических направлений и дисциплин. Суть позиции А.А. Таланкина – в принципиальном отрицании положения дел в психологии 1920-х гг. Вместо нескольких самостоятельно развивающихся направлений-дисциплин, находящихся друг с другом в конкурентной борьбе за доминирование в психологии, А.А. Таланкин предлагал иную модель: фундаментальная общая психология и вокруг нее на положении сателлитов прикладные дисциплины. Главная наука – психология, и ее ничем не надо подменять, говорил Таланкин. Существующее положение дел он назвал «сумбуром», отметил попытки педологии поглотить ряд других дисциплин (например, педагогику), отсутствие у педологии собственного метода. Проблемы целостности, по мнению Таланкина, должны решаться на уровне общей психологии, а не на уровне отдельных дисциплин. Категории развития работают во всех дисциплинах. Психология является основополагающей по отношению ко всем психоневрологическим наукам. Между прочим, крайне характерно, что, заполняя документы в графе о своей научной специальности, Таланкин писал: «общая и военная психология». Молодой военный психолог не просто повторял дежурный набор идеологических заклинаний с тем, а действительно предлагал иное видение развития психологии, отрицавшее эвристическую соревновательность и плюралистичность направлений-дисциплин при слабо выраженной общей психологии.

Сам Таланкин не смог сформулировать фундамент общей психологии в марксистском ключе. Он не проявил устойчивости в своих теоретических воззрениях. Очень быстро он отказался от приверженности реактологии Корнилова. В ноябре 1930 г. Таланкин активно способствовал реорганизации Государственного института экспериментальной психологии и смещению директора К.Н. Корнилова. На психологической дискуссии в Институте 22 декабря 1930 г. Таланкин выступил с докладом против Корнилова, заявив, что реактология Корнилова незаслуженно приобрела репутацию «марксистской психологии». Таланкин извинился за прежние дифирамбы Корнилову в своих собственных ранних статьях. Теперь же он утверждал: вся система взглядов К.Н. Корнилова и его ближайших сотрудников – «реактологическое извращение марксизма в психологии» [45, с. 27]. Корнилов выступил в печати с ответом Таланкину [19, с. 72]. Аргументация крупного ученого-психолога Корнилова была выстроена настолько убедительно, что Таланкин был вынужден опубликовать «Письмо в редакцию», в котором он снимал часть своих обвинений [48, с. 160]. Редакция журнала «Психология», чтобы ослабить впечатление от статьи Корнилова, пришлось поместить после нее постскриптум, в котором голословно утверждалось, что «Корнилов продолжает отстаивать свои ошибки», а «основную линию статьи т. Таланкина» редакция «считает правильной» [19, с. 76]. В реорганизованном Государственном институте экспериментальной психологии А.А. Таланкин стал зав. сектором кадров.

1 января 1931 г. Таланкин, числясь «на действительной военной службе в резерве начсостава РККА», оставил свою работу в Военной академии им. М.В. Фрунзе и перешел в Комакадемию. 6 января он уже заполнял необходимые документы [6]. Приказ о назначении его старшим научным сотрудником и секретарем Военной секции Комакадемии вышел 25 января

1931 г. В Комакадемии Таланкин сразу занял штатную должность сотрудника – а в этом учреждении штатных и внештатных сотрудников было примерно поровну. При этом он сохранил за собой по совместительству заведование сектором кадров в Институте психологии и был введен в редколлегию журнала «Психология». Его публикации против реактологии были специально отмечены в обзоре журнала «Психология» за 1931 г. [11, с. 70, с. 73].

Таланкин активно выступал на крупных научных форумах тех лет и отстаивал свою позицию отрицания психологического плюрализма. В мае 1931 г. в СССР прошел Всесоюзный психотехнический съезд. Таланкин выступил на съезде с докладом «Принципы психофизиологической работы в РККА». В сентябре 1931 г. в Москве состоялась 7-я Международная психотехническая конференция. Таланкин выступил на ней с докладом [29].

На заседании Общества психоневрологов-материалистов и психолого-психотехнической секции Государственного института психологии, педологии и психотехники 26 октября 1931 г. Таланкин сделал доклад «Марксистская психология меньшевистствующего идеализма», где критиковал психологов деборинской школы: Ю.В. Франкфурта, И.Ф. Куразова, И.Д. Сапира, Б.А. Фингерта, М.Л. Ширвиндта [8, л. 3]. «Это же ведь гегельянщина, самая нехорошая, скверная гегельянщина» [8, л. 25], – говорил он. О лидере психотехники И.Н. Шпильрейне Таланкин сказал, что тот не меньшевистствующий, а просто – идеалист, который «пытался сочетать заграничных идеалистов, в том числе идеалиста Штерна, с Марксом» [8, л. 8]. Здесь Таланкин имел в виду основоположника дифференциальной психологии У. Штерна.

Таланкин осудил Поведенческий съезд 1930 г., назвав его «бедламом», в котором каждое из психологических направлений претендовало на признание. Таланкина критиковал сборник статей Л.С. Выготского, С.Г. Геллерштейна, Б.А. Фингерта и М.Л. Ширвиндта «Основные направления современной психологии» – за вывод, сделанный авторами, что марксистская психология еще только должна сложиться как синтез достижений всех основных школ мировой психологии. Таланкин расценил этот вывод как эклектику и вновь высказал свою основную идею о построении психологии: для всех психологических дисциплин общая психология должна иметь руководящее значение как фундаментальная методологическая дисциплина.

Доклад А.А. Таланкина не встретил сочувствия аудитории, среди которой пока еще, преобладали сторонники тех, кого он «разоблачал». Вел заседание директор Института высшей нервной деятельности И.Д. Сапир – один из главных представителей философской школы Деборина в психологии. Сапир старался максимально ослабить критику Таланкина в адрес своих коллег-деборинцев Франкфурта и Куразова, говорил, что критика эта «недостаточно конкретна», что ошибки – в прошлом, а нужна позитивная работа. Сапир справедливо отметил, что «тов. Таланкин обещает наметить некоторый положительный выход для развития марксистской психологии, но, по существу дела не наметил этот выход» [8, л. 62]. В этом, и правда, было все существо дела.

12–13 июня 1931 г. в Харькове было созвано специальное заседание Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских научных учреждений для заслушивания доклада Таланкина. Таланкин раскритиковал в докладе основные психологические направления того времени: реактологию, рефлексологию, психотехнику [47, с. 8]. Только о группе Выготского и Лурия Таланкин заметил, что она «несомненно талантлива» [47, с. 15]. По оценке Таланкина в условиях плюрализма направлений «ряд психологов потерял предмет психологии» [47, с. 19]. К предмету психологии сам докладчик отнес психические процессы и материальную трудовую деятельность человека. Говоря о новом понимании предмета психологии, провозглашенном Таланкиным, П.Я. Гальперин, работавший тогда в Харькове, расценил его как, в известном смысле, возвращение ко временам Челпанова, но с акцентом на изучение предметного содержания психики. Все это привело Таланкина к неожиданным высказываниям в заключительном слове: «Вы думаете, что я в какой бы то ни было мере удовлетворен тем, что я говорил о предмете психологии? Я сам могу привести очень большое количество возражений против того определения психологии, которое я дал. И мы, работая коллективно (по таким вопросам мы в большинстве случаев работаем коллективно), согласились с тем, что на сегодня приходится давать это определение, потому что у нас получилась такая картина, что целый ряд работников

просто не знает, с какой стороны подступиться к психологии...» [47, с. 51]. Можно сказать, что Таланкин честно констатировал недостаток своих собственных творческих сил для решения поставленной им проблемы создания фундамента научной общей психологии.

Свой харьковский доклад Таланкин опубликовал отдельной брошюрой [46]. Но нашлись бдительные коллеги, которые уже самого Таланкина принялись разоблачать «за нечеткость в вопросах психологии». Сотрудник Государственного института психологии, педологии и психотехники К. Ансон в рецензии на брошюру Таланкина усмотрел в ней «грубые политические ошибки и методологические вывихи» [5, с. 149]. Таланкину досталось за то, что он не всю западную психологию признал «загнивающей», и за «либеральное отношение к критике культурно-исторической психологии Выготского – Лурия» [5, с. 150, 151–152]. Борец за марксистскую психологию, как вдруг выяснилось, сам «извращает учение Маркса и Энгельса» [5, с. 151]. Вероятно, Таланкин оказался слишком легковесной фигурой для роли идеологического куратора психологии. Отсюда обвинения Таланкина, что он «ограничивается формальными намеками, допускающими различные толкования», «небрежно и марксистски невдержанно прокладывает новые пути психологии», «смазывает достигнутые уже успехи в повороте, в котором сам автор принимал активное участие». «Таким путем мы на твердую базу марксизма-ленинизма не станем», – делал вывод рецензент брошюры Таланкина [5, с. 152].

А.А. Таланкин попытался реабилитироваться, продемонстрировать политическую заостренность. Он напечатал новую статью в журнале «Психология» со ссылками на Сталина. В статье Таланкина полностью осуждался Поведенческий съезд 1930 г., который не стал «съездом борьбы за партийность в науке» [51, с. 41]. На съезде вместо критики школ Павлова, Бехтерева, Корнилова и др. дебординцы говорили лишь о «специфической ограниченности каждой школы» [51, с. 41]. Таланкин извлек уроки из рецензии на свою брошюру и постарался исправиться. Он написал, что «все психологические, рефлексологические, нейрофизиологические концепции поведения человека очень опасны и ведут обычно к политически вредным выводам», а буржуазная психология «загнивает» [51, с. 50, с.60]. Закончил статью Таланкин вновь ссылками на Сталина. Но статья эта запоздала.

В 1932 г. позиции А.А. Таланкина существенно ослабли, и он был переведен в Ленинград, где назначен заведующим сектором психологии Государственного института по изучению мозга им. Бехтерева. Под началом А.А. Таланкина теперь работал будущий академик Б.Г. Ананьев [37], которого Таланкин когда-то критиковал в числе других рефлексологов [47, с. 9] и Ананьев признал эту критику [2, с. 331]. Теперь, в Бехтеревском институте, Таланкин и Ананьев сработались. В 1934 г. Ананьев напечатал статью в сборнике под редакцией Таланкина [49]. В 1935 г. под редакцией Таланкина в «Трудах» Бехтеревского института вышла монография Ананьева [4].

По всему видно, что Таланкин умел ценить способных сотрудников, и был энергичным и контактным руководителем. В предисловии к сборнику статей своего сектора он с гордостью рассказывал об исследовательской работе, проведенной рефлексологами в 1932 г. на базе 154-й школы Выборгского района г. Ленинграда, об организации политехнического кабинета. В 1933–1934 гг. были созданы лаборатории при 7-й школе ФЗД (фабрично-заводская десятилетка) того же Выборгского района и при 1-й опытной школе им. Эпштейна (М.С. Эпштейн – впоследствии расстрелянный зам наркома просвещения РСФСР) [49, с. 3–9]. Сам А.А. Таланкин принял участие в исследовании мышления подростков, занятых конструкторско-изобретательской деятельностью [31, с. 125–158].

Таланкин давал высокую оценку новаторству своего исследовательского коллектива: «Сектор психологии Института мозга прочно связался со школой... Небольшой коллектив научных сотрудников сектора ушел из традиционных лабораторий, в которых все рассчитано на полную изоляцию от всего окружающего мира испытуемого, – на базу, в школу, в класс, в политехнический кабинет. Лаборатория стала терять свой старый характер, превращаясь в часть новых методов исследования, основанных на конкретном учебном материале. Сектор организовал на

своей базе политехнический кабинет и принял участие в рационализации учебно-производственного режима» [49, с. 6] В выпущенном под редакцией и с предисловием А.А. Таланкина сборнике «Общий и технический кругозор учащегося средней школы» [30] авторы продемонстрировали стремление найти «новые методы исследования, адекватные тем задачам, которые должна выполнять психология на базе школы в Советском Союзе, не отбрасывая того, что дают немецкие, французские и т.п. психологи, нужно уметь преодолеть их методологию. Большая задача, которую трудно решить в течение одного, двух лет. Авторы сборника убеждены, что тот путь создания марксистско-ленинской науки, который утверждают некоторые «теоретики» психологии и педологии, плюс методы исследования, заимствованные у Пиаже, Бюлера, Аха и т.п., не дают еще подлинной марксистско-ленинской теории, нужны новые методы исследования и их надо искать. Сектор идет по этому пути. Путь труден» [49, с. 9].

Рисунок 5 – Справка отдела кадров Военно-политической Академии им. Ленина № 9/257 от 24.02.1958, выданная Таланкиной Идее Абрамовне в том, что ее муж Таланкин А.А. проходил службу в Академии с 04.04.1932 по 02.04.1937

дидата философских наук [14, с. 283–284]. В 1936 г. ему присвоили ученое звание профессора. Косвенным доказательством достаточно широкой известности военного ученого в кругу психологов и философов является обращение к нему издательства «Советская энциклопедия» от 22.10.1935 г. с просьбой сообщить его замечания и составить отзыв на статью «Интеллект» (рисунок 6).

Рисунок 6 – Обращение издательства «Советская энциклопедия» от 22.10.1935 г. к Таланкину А.А. с просьбой сообщить его замечания и составить отзыв на статью «Интеллект»

ЦК ВКП(б)
 СТАВКА КОМПАРТИЗНОГО
 ПАРТИОТДЕЛА
 ЗАРЕГИСТРИРОВАННОЕ
 ЧЛЕНСТВО
 1936 г.

**Регистрационный бланк
 члена ВКП(б)**

ВВЕДЕНА № 0609667

ЗАКЛЮЧЕНО секретарем райкома, горкома
 по выдаче партийного билета ОБЛАСТНОМ
 КОМИТЕТЕ ВКП(б) *А.А. Таланкин*

Полное наименование: *А.А. Таланкин*

Имя: *Александр*

Фамилия: *Таланкин*

Отчество: *Александрович*

Дата рождения: *1878 г.*

Место рождения: *г. Ярославль*

Область, край, республика: *Ярославская*

Район, город: *Ярославль*

Профессия, специальность: *инженер-механик*

Время поступления в ВКП(б): *1936 г.*

Место работы: *г. Ярославль, завод № 1*

Роль в партии: *член ВКП(б)*

Сведения о партийной деятельности:

№	Дата	Место работы	Наименование должности	Роль в партии
1	1918	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
2	1919	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
3	1920	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
4	1921	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
5	1922	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
6	1923	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
7	1924	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
8	1925	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
9	1926	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
10	1927	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
11	1928	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
12	1929	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
13	1930	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
14	1931	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
15	1932	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
16	1933	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
17	1934	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
18	1935	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
19	1936	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола
20	1937	г. Ярославль	Рабочий завода	Член комсомола

Рисунок 7 – Регистрационный бланк члена ВКП(б) А.А. Таланкина

10 мая 1936 г. А.А. Таланкину было присвоено воинское звание бригадного комиссара (рисунки 7, 8).

Генеральское звание, видимо, только приблизило трагическую развязку. 7 марта 1937 г. Таланкин был уволен из Военно-политической академии «по политическому недоверию» [55, с. 400]. Надо сказать, что в то время Военно-политическая академия была на редкость гиблым местом. В ней процветали люди, негласно уполномоченные органами, сообщать куда следует. Рой и Жорес Медведевы рассказывают о трагической судьбе преподавателя этой кафедры, их отца полкового комиссара А.Р. Медведева [27, с. 28; 26]. Многие философы из Военно-политической академии погибли в годы репрессий. Жертвой доносов пал известный философ-деборинец Г.С. Тымянский. Сменивший его Таланкин недолго пробыл в должности заведующего кафедрой.

В ночь с 4 на 5 июня 1937 г. А.А. Таланкин был арестован (рисунок 9). Ему сразу же предъявили расстрельную статью: «участие в контрреволюционной троцкистской террористической организации» (если слова «террористическая» не было, оставался шанс выжить). С.Е. Лазарев сообщает, что вместе с Таланкиным был арестован преподаватель той же кафедры батальонный комиссар В.И. Капустин [24, с. 146]. Василий Иванович Капустин (1901–1937) известен историкам советской психологии как один из ответственных редакторов книги «В борьбе за марксистско-ленинскую педологию» [10]. Обоих обвинили в участии в «военном заговоре», в подготовке свержения Советской власти.

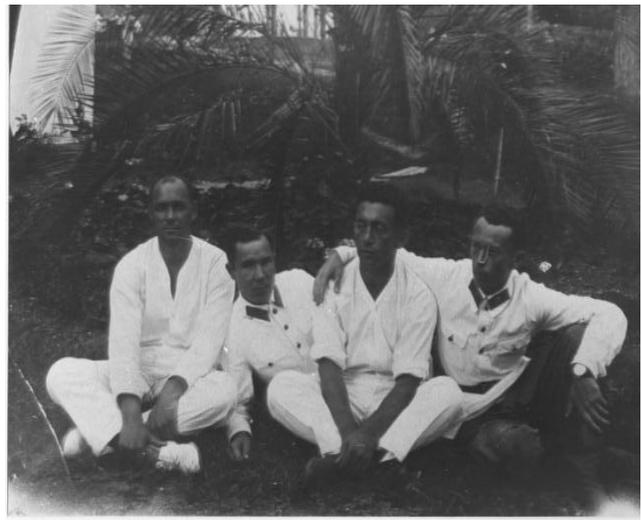

Рисунок 8 – А.А. Таланкин с друзьями в санатории «Красная поляна»

31 августа 1937 г. А.А. Таланкин Военной коллегией Верховного Суда СССР был приговорён к расстрелу и в тот же день расстрелян [54].

Жена Таланкина Ида Абрамовна (в девичестве Лурье) с огромным трудом справилась с потерей мужа, была на грани самоубийства. Члены семьи «врага народа» (И.А. Таланкина и четверо детей, включая дочь грудного возраста, родившуюся через месяц после ареста отца) были высланы в декабре 1937 года в Узбекистан, где их жизнь проходила в ужасных условиях.

Рисунок 9 – Мемориальный знак, установленный на доме № 2 по Таврической улице Санкт-Петербурга

Сохранился пронзительный документ – воспоминания дочери А.А. Таланкина Наталии Александровны.

Память об отце

В этом небольшом рассказе я изложу то, что знаю о своем отце Таланкине Александре Александровиче.

Родился в 1900 г. в г. Уфе в семье священника. Был одним из первых организаторов уфимской комсомолки. (Мать говорила, что в музее революции г. Уфы на стенде среди первых комсомольцев есть фотография моего отца).

С 1917 г. член партии большевиков.

В 1918 г. был направлен в Среднюю Азию для борьбы с басмачами. В течение 2-х лет не слезал с седла, время было тяжелое. Немало сил физических и моральных вложил Таланкин в борьбу за установление Советской власти в Туркестане.

В 1921 г. отец женился на 16-летней красавице Лурье Иде Абрамовне (моей матери) вопреки воли ее родителей, зажиточных хлопководов.

Произошло это в г. Коканде, где продолжал службу в ТуркВО мой отец.

В 1922 г. отец с матерью переезжают в Петроград, где мой отец продолжает военное образование. В 1923 г. у них рождается первенец – сын Таланкин Лев Александрович.

В 1925 г. родился второй сын Лекс Александрович.

Отец всегда говорил матери, что надо работать – укреплять наше молодое государство. И она, имея на руках двух малолетних детей, работала в Доме офицеров (раньше Дом Красной Армии).

Период с 1925 по 1930 гг. выпадает из рассказов моей матери.

Знаю только, что они продолжали жить и работать в Ленинграде.

Отец продолжал свое образование. В 30-х годах он заканчивает Военно-политическую академию им. Толмачева. Затем становится преподавателем этой академии. Пишет научные работы по философии. Один из моих знакомых, окончивших Военно-политическую академию им. Ленина в Москве, изучал работы моего отца.

Отец пишет статьи в Большую Советскую Энциклопедию, плодотворно работает.

С 4 апреля 1932 г. отец работает преподавателем кафедры исторического и диалектического материализма, а со 2-го июля 1936 по 2 апреля 1937 г. – в должности начальника кафедры философии (т.е. это было начало репрессии по отношению к Таланкину А.А.)

Сохранился документ, в котором говорится, что Таланкин А.А. получает должность или звание профессора без защиты диссертации. Какой должен быть умный человек, чтобы получить столь высокое звание без защиты диссертации!

В марте 1936 г. у моих родителей родился 3-й сын – Таланкин Александр Александрович.

Отец мечтал иметь дочь и, когда моя мать в 1937 г. опять забеременела, отец был уверен, что будет дочь, и заранее дал ей имя Наталья, что значит родная.

Но не суждено ему было увидеть свою дочь. 4 июня 1937 г. отец был арестован.

Мать рассказывала, что пришли ночью, бесцеремонно растолкали спящую семью и ничего не объясняя беременной жене, стали уводить. Отец обернулся к матери и сказал: «Не плачь, вытри слезы – здесь какое-то недоразумение».

Не мог он поверить, что его, идейного большевика, так много сделавшего для советской власти, вот так просто возьмут и сотрут с лица земли.

Через 2 года матери в Ташкент пришло извещение из г. Баку, что Таланкин Александр Александрович умер от брюшного тифа в г. Баку.

До 1957 г., до Указа о реабилитации моего отца, мы, дети Таланкина, почти ничего не знали о своем отце. В графе отец у меня, у моих братьев стоял прочерк.

Мы жили в Ташкенте в ужасных условиях.

Только в 1957 г. я узнала всю правду о своем отце, когда вышел указ о реабилитации нашей семьи. Нам было разрешено вернуться в Ленинград.

Арест – 4 июля 1937 г.

Я родилась 10 августа 1937 г.

Александру 1 г. 6 мес.

Лексу 10 лет.

Льву 14 лет.

Мать ушла рожать в больницу, оставив детей с няней.

Выписавшись мать от отчаяния повесилась. Няня вынула ее из петли и откачала.

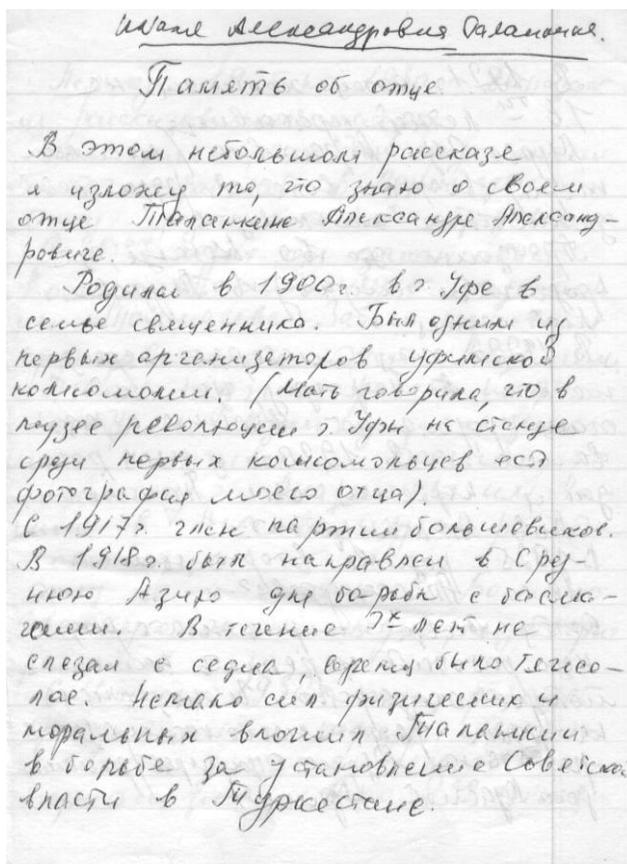

Рисунок 10 – Первая страница рукописи рассказа Н.А. Таланкиной «Память об отце»

Затем эта няня сопровождает в Среднюю Азию семью врага народа, от которой отвернулись лучшие друзья. Благодаря самоотверженным заботам этого доброго человека, семья продолжала существовать [Источник: Фонды личного происхождения СПб НИЦ «Мемориал». Фонд 02 (Б-1). Описание 1. Дело «Таланкин Александр Александрович». Лист 5-5а] (рисунок 10).

Двадцать лет спустя после ареста 8 октября 1957 г. та же Военная коллегия реабилитировала А.А. Таланкина – посмертно.

Судьба Александра Александровича Таланкина – малоизвестный и драматический факт истории советской психологии 1920–1930-х гг. Он был думающим, хотя и зачастую поверхностным исследователем, высказавшим в своих работах ряд ценных замечаний по вопросам военной психологии, некоторые из них не утратили своей актуальности и по сей день. В отдельные периоды проявил себя хорошим организатором творческой работы коллег-психологов. Однако в роли лидера советской психологии в целом он оказался легковесным человеком.

Вместе с тем, Таланкина можно смело рассматривать как провидца, предсказавшего путь дальнейшего развития советской психологии, чего на рубеже 1920-193-х гг. не смог сделать никто из тогдашних ее корифеев. Он отстаивал позицию, согласно которой нормой развития психологии является центральное положение общей психологии в системе психологического знания, а среди ветвей психологического древа находят свое место видовые отрасли психологии, включая военную психологию. Таланкин принципиально отвергал методологический плюрализм психологических направлений, в условиях которого психология не развивается как фундаментальная наука, а приращение знания имеет значение только применительно к тем или иным психологическим доктринам, но не к психологии как науке вообще. Модель, обозначенная Таланкиным, победила позже, в 1940–1950-е гг. Однако реализовать эту модель, конечно, могли иные люди – ученые масштаба С.Л. Рубинштейна.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы благодарят:

доктора психологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, член-корреспондента РАО Александра Григорьевича Караяни за идею написания статьи и содействие исследованию;

доктора психологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Эрнста Платоновича Утлика (Военный университет Министерства обороны РФ) за ценные консультации и обсуждение материалов исследования;

кандидата психологических наук, доцента Наталью Юрьевну Стоюхину (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) за практическое использование материалов исследования и инициативу установления в Санкт-Петербурге мемориального знака в честь А.А. Таланкина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. К проблеме основания поведения человека // Вопросы изучения и воспитания личности. 1930. Вып. 1–2. С. 12–18.
2. Ананьев Б.Г. О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии // Психология. 1931. Т. 4. № 3–4. С. 325–332.
3. Ананьев Б.Г., Варшавская О.Н., Кашкадамов В.П., Серебренников А.П., Шнирман А.Л. Против вульгарщины и эклектизма в учебно-педагогической литературе // На фронте коммунистического просвещения. 1931. № 8. С. 39–46.
4. Ананьев Б.Г., Сергеев Л.И. Психология педагогической оценки / под ред. А.А. Таланкина. Труды Государственного института по изучению мозга им. В.М. Бехтерева. Т. 4. – Л.: Институт мозга, 1935.
5. Ансон К. За четкость в вопросах психологии: Рец. на кн.: Таланкин А. О повороте на психологическом фронте. – М., 1931. 32 с. // За марксистско-ленинское естествознание. 1932. № 1. С. 149–152.

6. Архив РАН. Фонд. 350. Опись 3. Дело 316.
7. Архив РАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 24.
8. Архив РАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 59.
9. Блументаль Ф. Наш социальный заказ: чего ждет политработа от научной психологии // Военный вестник. 1930. № 4. С. 46.
10. В борьбе за марксистско-ленинскую педологию. Дискуссия по работам проф. М.Я. Басова 25-29 марта 1931 / сб. под ред. В.И. Капустина и М.А. Левиной. – М.; Л.: Учпедгиз, 1932.
11. Гершенович Л., Размыслов А., Шемякин Ф. О журнале «Психология» за 1931 г. // Психология. 1932. № 3. С. 70–73.
12. Данилов С.И., Корсаков С.Н. Психология и власть. к истории идеологических кампаний в советской психологии 1930-Х гг. // Инициативы XXI века. 2016. №1. С. 34–37.
13. Дьяченко М.И., Кандыбович С.Л., Караяни А.Г. История отечественной военной психологии: Учебник / под ред. проф. Л.А. Кандыбовича. – М.: Военный университет, 2009.
14. Загребаяева В.Н., Козлов Б.И., Савина Г.А. Коммунистическая академия ЦИК СССР (1918-1936). Вып. 2. – М.: Архив РАН, 2009.
15. Залкинд А.Б. Науку о поведении человека на службу социалистической реконструкции // Человек и природа. 1930. № 4. С. 47–49.
16. Итоги дискуссии по реактологической психологии // Советская психоневрология. 1931. № 2–3. С. 53–59.
17. Итоги дискуссии по реактологической психологии // Психология. 1931. Т. 4. № 1. С. 1–9.
18. Каплан И.Г., Русанов Н.А., Таланкин А.А. Методика решения задач по политическому обеспечению боевой деятельности войск. – М.: Военная академия Красной Армии им. Фрунзе, 1928. 61 с.
19. Караяни А. Г., Волобуева Ю. М. Военная психология как область специального научного знания и практики // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-psihologiya-kak-oblast-spetsialnogo-nauchnogo-znaniya-i-praktiki> (дата обращения: 18.07.2023).
20. Корнилов К.Н. К итогам психологической дискуссии // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 44–75.
21. Корнилов К.Н. Современное состояние психологии в СССР // Под знаменем марксизма. – 1927. – № 10–11.
22. Корсаков С.Н., Данилов С.И. Из истории советской психологии 1920-1930-х годов: А.А. Таланкин // Философские науки. 2017. № 10. С. 131–150.
23. Крашенинина С.В. Военная психология в России в разрезе прошлых и современных теорий // НАУ. 2015. №4–4 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-psihologiya-v-rossii-v-razreze-proshlyh-i-sovremennyh-teoriy> (дата обращения: 18.07.2023).
24. Лазарев С.Е. Военно-политическая академия в 1930-е годы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2013. № 8 (151). Вып. 26. С. 140–149.
25. Логинова Н.А. Антропологическая психология Бориса Ананьева. – М.: Институт психологии РАН, 2016.
26. Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Из воспоминаний. – М.: ЛитМир, 2004.
27. Медведев Р.А. Политические портреты: Очерки и статьи. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1990. 254 с.
28. Могендович М.Р. Последний этап школы Бехтерева // Психология. 1931. Т. 4. № 1. С. 101–108.

29. О 7-й Международной психотехнической конференции // Известия. 1931. 13 сентября.
30. Общий и технический кругозор учащегося средней школы / Под ред. А.А. Таланкина. Л.: Институт мозга, 1934.
31. Прудников Н.Г., Ривин Я.С., Таланкин А.А. Конструктивно-техническое мышление подростков-изобретателей // Общий и технический кругозор учащегося средней школы / под ред. А.А. Таланкина. – Л.: Институт мозга, 1934. С. 125–158.
32. Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 17. Опись 99. Дело № 1262349.
33. Рубцов В.С. Марксистская психология и пути ее использования в боевой подготовке и политработе Красной армии // Война и революция. 1930. № 2.
34. Рубцов В.С. Письмо в редакцию // Трибуна толмачевца. 1930. № 2. С. 63.
35. Рубцов В.С. Рец. на кн.: Таланкин А.А. Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. – М.: Госиздат, 1929. 140 с. // Трибуна толмачевца. 1930. № 1. С. 43–45.
36. Санкт-Петербург, Таврическая улица 2. URL: <https://www.poslednyadres.ru/news/news997.htm>.
37. Стоюхина Н.Ю. Психотехнические исследования в работах Б.Г. Ананьева: к 115-летию со дня рождения // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 3. С. 143–164. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2022_24_3_08.
38. Таланкин А.А. Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. – М.: Госиздат, 1929.
39. Таланкин А.А. Военно-политическое образование // Красная звезда. 1928. 1 февраля.
40. Таланкин А.А. За марксистско-ленинскую психотехнику в РККА // Записки Секции по изучению проблем войны Коммунистической академии. 1931. Т. 4. С. 180–199.
41. Таланкин А.А. Итоги поведенческого съезда и Красная Армия // Красная звезда. 1930. 13 февраля.
42. Таланкин А.А. К вопросу о «военной рефлексологии» // Война и революция. 1927. № 12. С. 165–177.
43. Таланкин А.А. К марксистской постановке проблемы военной психологии // Психотехника и психофизиология труда. 1929. № 1. С. 81–83.
44. Таланкин А.А. Материя и движение. – Л.: Военно-политическая академия. 1936.
45. Таланкин А.А. О «марксистской психологии» проф. Корнилова // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 24–43.
46. Таланкин А.А. О повороте на психологическом фронте. – М.–Л.: Соцэкгиз, 1931.
47. Таланкин А.А. О повороте на психологическом фронте: Доклад и обсуждение // Советская психоневрология. 1931. № 2-3. С. 7–52.
48. Таланкин А.А. Письмо в редакцию // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 160.
49. Таланкин А.А. Предисловие // Общий и технический кругозор учащегося средней школы / под ред. А.А. Таланкина. – Л.: Институт мозга. 1934. С. 3–9.
50. Таланкин А.А. Проблема «военной психологии» в нашей военной литературе // Толмачевец. 1926. № 1. С. 115–125.
51. Таланкин А.А. Против меньшевистствующего идеализма в психологии // Психология. 1932. № 1. С. 38–62.
52. Таланкин А.А. Против тестов на изучение идеологии бойцов РККА // Военно-санитарное дело. 1931. № 5–6. С. 35–39.
53. Утлик Э. П. Воин России: военно-психологическое исследование: монография. – М.: Военный университет, 2020. – 400 с.

54. Управление ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Дело П-26391.
55. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. 1937-1941. Комбриги и им равные. – М.: Кучково поле, 2014.
56. Фонды личного происхождения СПб НИЦ «Мемориал». Фонд 02 (Б-1). Опись 1. Дело «Таланкин Александр Александрович». – <https://arch2.iofe.center/person/37678>.
57. Ярошевский М.Г. История психологии. 3-е изд. – М., 1985.

**BRIGADE COMMISSIONER A.A. TALANKIN –
ONE OF THE FOUNDERS OF SOVIET MILITARY PSYCHOLOGY**

Korsakov S.N.¹, Danilov S.I.²

¹Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

²Tver State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

ABSTRACT

The article deals with poorly studied pages of the history of domestic military psychology. It tells about the activities of Alexander Talankin, a military-political worker and a military psychologist. He was one of the active participants in the discussions on military psychology in the 1920s, the author of a monograph on this topic. In 1930, he held major positions in the leadership of Soviet psychology. The article clarifies questions about the life path of A.A. Talankin, assessment of the totality of his military psychological works, place in the history of domestic military psychology and Soviet psychology in general. It is noted that as a military psychologist A.A. Talankin opposed the isolation of military psychology, considering it an applied area of general psychology. The path of A.A. Talankin, first as a military psychologist, then as a participant in psychological discussions in the USSR. A.A. Talankin became a victim of Stalin's repressions. Little-known and forgotten literary sources, archival materials are involved. A number of archival materials are published for the first time.

KEYWORDS

soviet psychology, A.A. Talankin, military psychology of the 1920s-1930s, psychology of war and combat, K.N. Kornilov, ideological campaigns in psychology, political repression.